
ЛОГИКА, ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

УДК – 001.1

И. КАНТ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Е. А. Кротков⁰
Т. В. Носова²

*⁰ Белгородский
государственный
университет*

*² Белгородский
государственный
университет*

В статье анализируются поиски новоевропейской эпистемологией выхода из тупика кантовского радикального априоризма. Обосновывается тезис авторов о «семейном» сходстве кантовского трансцендентального субъекта с историко-парадигмальным субъектом Т.Куна. Аргументируется положение об исторической контрпродуктивности кантовской идеи трансцендентальной логики в гегелевской интерпретации.

Ключевые слова: радикальная версия априоризма трансцендентальный субъект парадигмальный мир субъекта эпистемологический историзм формально-логические истины антирационализм.

1. Европейская эпистемологическая мысль, начиная с ХУП века, то склонялась к рационалистическому априоризму (Декарт, Лейбниц), то приближалась к позиции чистого эмпиризма (Юм) с его неспособностью объяснить природу объективного номологического знания. Впечатляющую попытку преодолеть дихотомию априоризма и эмпиризма предпринял в ХУШ веке И.Кант. Сохраняя верность фундаментализму Декарта (всеобщность и необходимость как атрибут теоретического знания), кенигсбергский мыслитель создает учение о трансцендентальной апперцепции – абсолютной зависимости результатов познания от априорных форм чувственности и рассудка. Априорный источник законов природы – «трансцендентальный закон», согласно которому «явления должны в опыте подчиняться условиям необходимого единства апперцепции так же, как в созерцании должны подчиняться формальным условиям пространства и времени»¹. Именно эти условия делают возможными и познание, и его результаты – законы частных наук. Новый элемент в этом учении состоял в априористской трактовке не только категориального строя, логических форм дискурсивного мышления, но и форм чувственного познания. Пространство и время – «только схема, имеющая всегда отношение к репродуктивному воображению, вызывающему предметы опыта, без которых они не имели бы никакого значения»². Апостериорны, по сути дела, только ощущения, однако сами по себе они не составляют знания, с чем согла-

¹ Кант И. Критика чистого разума / Соч. в 6 томах. – Т. 3 – М.: «Мысль». – 1964, с. 707.

² Кант И. Критика чистого разума / Соч. в 6 томах. – Т. 3 – М.: «Мысль». – 1964, с. 233.

сился бы и Кант. Тем не менее, он выстраивает аналитику «возможного опыта» с его трансцендентальным субъектом, конструирующим свой объект, не прописав сколько-нибудь внятно ни роли в познании сенсорной информации, ни ее неувольного источника («вещь в себе» – самый загадочный концепт в европейской философии).

Складывается впечатление, что вышеназванная дихотомия «преодолевалась» Кантом радикальной версией априоризма, элиминирующей апостериорную (фактуальную) составляющую научного знания. Оно оказалось замкнутым в субъективном пространстве интуиций чувственного созерцания и основоположений (априорных схем) чистого рассудка, регулируемых канонами столь же чистого разума. Известная формула Канта «Я могу судить лишь о том, согласно ли мое знание об объекте с моим же знанием об объекте» невольно побуждает к реплике по поводу объекта: «А был ли мальчик?».

И все же Кант не был бы Кантом, если бы в его учении не нашла отражения реальная эпистемическая практика. Неоспорим, в частности, урок Канта по поводу предзаданности развитому научному познанию категориальных мыслительных схем, без которых невозможно конституирование его предмета. Далее, трансцендентальная методология Канта вполне уместна в анализе применения «готового» знания в эмпирическом исследовании. Важнейшая разновидность этой деятельности – диагностический поиск. Термин «диагностика» происходит от греч. *diagnostikos* – «способный распознавать». Диагностика нечасто оказывалась предметом эпистемологического исследования, и мы не так много знаем о ее структуре, закономерностях и специфике. Хотя уже Платон обнаружил интерес к этой теме: в его «Теэтете» мы находим своеобразную аналитику распознавания («узнавания»). Известно, что, по Платону, в качестве условия восприятия (узнавания) в опыте чего-либо, например, круга, выступает идея круга, составляющая априорную основу этого акта познания. Вообще же распознавание любого объекта (процесса, состояния) базируется на обобщенном номологическом знании, когнитивной «модели» признаков и сущностного содержания объектов этого же класса (вида). И хотя субъект распознавания проводит наблюдения, измерения, ставит диагностические эксперименты и т.п., результат этой деятельности в значительной мере предопределен: он выявит в объекте только то, что в форме общего, типичного, закономерного составляет «априорную» предпосылку его диагностических рассуждений. Мы убеждены, что кантовские штудии, спроецированные *mutatis mutandis* на предмет и задачи диагностики как общей теории распознавания, позволяют специалистам, исследующим природу диагностической деятельности, существенно углубить понимание закономерностей этой важнейшей разновидности человеческого познания³.

2. Через полтора столетия с момента публикации «Критики чистого разума» вышла книга Т. Куна «Структура научных революций», ставшая катехизисом современной западной эпистемологии. Что нового она внесла в истолкование природы научного познания? Внеисторичный трансцендентальный субъект познания был заменен на историко-парадигмальный. Наше знание детерминировано «жестко определенной сетью предписаний – концептуальных, инструментальных и методологических», важнейшей и наиболее устойчивой частью которых являются «концептуальные рамки». Они «указывают» вовлеченным в нее ученым не только то, «какие виды сущностей действительно имеют место во Вселенной» (метафизический аспект парадигмы), но и определяют «набор» их методологических процедур: «какими должны быть окончательные объяснения и фундаментальные законы», «множество тех проблем, которые подлежат исследованию» и т.п.. К примеру, пояснял Кун, «после появления научных работ Декарта большинство ученых-физиков допускало, что универсум состоит из микроскопических частиц, а все явления природы могут быть объяснены в терминах корпускулярных форм их размеров, движения и взаимодействия»⁴. В рабо-

³ Кротков Е.А. Диагностическое познание. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – 152 с.

⁴ Кун Т. Структура научных революций. – М.: «Прогресс». – 1977, с. 67-68.

тах по теории относительности и квантовой механике постулируется уже другой универсум, и, следовательно, осмысленными оказываются другие проблемы. Ученые, интегрированные в разные парадигмы, «видят» не только разные, но и несоизмеримые, несопоставимые миры. Вопрос, какой из парадигмальных миров является наибольшим приближением к действительному миру, неправильно поставлен: для ученого существует только мир его парадигмы (правда, он этого может и не осознавать, но это уже его личные проблемы, полагал Кун).

Кант считал, что природа и возможный опыт – «совершенно одно и то же», «возможность опыта есть то, что дает объективную реальность всем нашим априорным знаниям»⁵. Кун подводил к мысли, что для субъекта «нормальной» науки парадигмальный мир и есть единственно возможный для него мир. В этом мире работающий ученый не встретит на своем пути ничего принципиально нового, неожиданного, поскольку границы, структура этого мира – границы и структура его парадигмы, то есть парадигмы того научного сообщества, с которым он себя идентифицирует. Поэтому, как мы полагаем, уместна гипотеза о «семейном» сходстве кантовского «возможного опыта» с парадигмой Куна, что дает основание отнести его концепцию к разновидности эпистемологического трансцендентализма.

Время от времени одна парадигма вынуждена уступать место другой, «более точной и развитой», которая иницируется «аномалиями». Но это обстоятельство отнюдь не свидетельствует о том, что прежняя парадигма не адекватна структуре действительного мира, а новая имеет в этом плане некоторые преимущества перед своей предшественницей. «Конкуренция между парадигмами не является вопросом борьбы, которая может быть решена с помощью доводов», опираясь на факты и эксперимент: принятие решения такого типа, полагал Кун, «может быть основано только на вере». Поэтому эпистемологический историзм Куна как учение о смене парадигм в эволюции науки не ориентирован на диалектику относительной и абсолютной истины и, следовательно, не является концепцией развития (роста) научного знания. История науки – это не история движения в сторону все более точного и полного знания, а история случающихся время от времени коренных сдвигов научного видения, в которых решающая роль принадлежит нерациональным и внеэмпирическим факторам.

Более близок к указанной диалектике был К.Поппер, активно оппонировавший Куну. Развитие науки невозможно описать без идеи объективной истины. Соединяя понятие истины с понятием содержания научной теории, Поппер вводит в свое описание развития научного знания понятие приближения к истине (правдоподобия теории) – аналога понятия относительной истины. Переход от физики Аристотеля к физике Галилея был для Поппера не просто актом веры, но переходом от менее истинной теории к более истинной. Не принимая (так же как и Кун) индуктивистскую методологию, Поппер, тем не менее, отводит решающую роль в отказе от старой теории (в терминологии Куна – парадигмы) опровергающим экспериментальным фактам, а в переходе к новой теории – ее способности успешно предсказывать новые факты. «Нам нужен успех, эмпирическое подтверждение некоторых наших теорий хотя бы для того, чтобы оценить важность успешных и плодотворных опровержений»⁶, – полагал Поппер. К сожалению, эта конструктивная позиция была «забаллотирована» методологами, являющимися сторонниками концепции несоизмеримости сменяющих друг друга теорий. Согласно этому подходу, даже если в новой теории употребляются термины прежней, все же они обладают иными смыслами и, следовательно, обозначают уже другие объекты. Однако, это утверждение не является верным: в любой теории какие-то термины имеют значения, установленные до ее формирования, а изменение смысла некоторых терминов отнюдь не означает изменения их предметного значения⁷.

⁵ Кант И. Критика чистого разума / Соч. в 6 томах. – Т. 3. – М.: «Мысль». – 1964, с. 233.

⁶ Поппер К. Логика и рост научного знания. – М.: Прогресс. – 1983, с. 368-369.

⁷ Войшвилло Е.К. Принцип соответствия как форма развития знаний и понятие относительной истины. Критика концепции несоизмеримости сменяющих друг друга теорий/ Логика

Растворив без остатка эмпирическое знание в теоретическом, указанные методологи оставили последнее на произвол неконтролируемой опытом априорной аналитики и нерационализируемой безотчетности веры.

3. И.Канту принадлежит идея создания некой неформальной логики, названной им трансцендентальной, фундамент которой должна составить система чистых рассудочных понятий. После Канта многие с завидной легкостью строили подобные системы, но все, что при этом выдавалось за неформальную логику, на проверку оказывалось блефом. Сама по себе эта история достаточно ординарна: мало ли в науке было непродуктивных, тупиковых идей? Однако был ли осторожен Кант, назвав проектируемое им новообразование термином «логика»? Полагаем, что нет. Это мнение подтверждается хотя бы тем, что появление очередной такой системы непременно шло под лозунгом противопоставления ее (под видом более совершенного инструмента мышления) логике формальной как имеющей весьма ограниченное значение в сфере науки, и тем более, философии.

Именно в этом ключе велась разработка новой «логики» Гегелем, который полагал, что область формально-логических истин и соответствующих им логико-методологических директив (принципов) весьма ограничена и составляет предмет рассудочного, эмпирико-феноменологического мышления. Уместно здесь напомнить, что Кант в «Критике чистого разума» положил в основание своего неприятия чистой спекуляции (или разума, когда он вторгается в область, неконтролируемую опытом) единственный критерий – впадение его в формально-логическое противоречие. Покидая область опыта, наша спекуляция порождает антиномии, суть которых состоит в равнообоснованности тезиса и антитезиса. Это приводит разум к противоречию, вследствие чего, полагал Кант, спекуляция не может претендовать на научный статус, а является «бессмыслицей», «иллюзиями» и т.п.

Иное дело – Гегель, заявивший, что Кант совершенно напрасно бил тревогу по поводу антиномий и лежащего в их основе формально-логического противоречия: в самой природе разума заложена необходимость противоречить самому себе, и это вовсе не ошибка разума, а сама его сущность как высшего типа рациональности. «Противоречие есть критерий истины, отсутствие противоречия – критерий заблуждения» – этот вызывающий тезис, защищавшийся Гегелем в его диссертации в 1801 году, является ключевым в истолковании им сути спекулятивного разума.

Спору нет: научный прогресс в значительной мере связан с обнаружением противоречий – между теорией (гипотезой) и фактами, внутри теории, между теориями, между фактами. Однако наука всегда непоколебима в одном: указанные противоречия – это грозный симптом неблагополучия в результатах познания, в системе мышления, а их обнаружение должно побуждать ученых к пересмотру, переработке, смене этих теорий и гипотез, уточнению фактов, словом – к тому, чтобы устранить противоречия. Признание же за ними статуса нормы для теории и мышления делает невозможной научную критику, рациональный спор вообще, а вместе с ними и научный прогресс.

Вместо логических правил (формальных правил вывода) Гегель конструирует известный схематизм, который, по его замыслу, воспроизводит имманентную структуру бытия. Общий смысл этого схематизма широко известен: это «логика» трехкратного ритма всего сущего. Ее содержание «разъясняется» более частными схематизмами типа «противоречие снимает себя само через себя», «основание есть в самой себе сущая сущность», «сущность светится в самой себе видимостью» и т.п.⁸, смысл которых едва ли может быть установлен. Обескураживает крайняя степень лексической (семантической) неопределенности и таких ключевых терминов диалектической де-

и В.Е.К. – М.: Современные тетради, 2003, с. 19-20. На способности эмпирических предложений и терминов сохранять свое значение при достаточно радикальных изменениях в теоретическом знании и технике эксперимента настаивает также Ньютон-Смит (Рациональность науки / Современная философия науки. Хрестоматия. – М.: Наука, 1994).

⁸ Гегель. Наука логики / Энциклопедия философских наук. – Т. 1. – М.: 1974, с. 269.

дукции как «имманентная пульсация самодвижения», «доведенные до заострения противоречия», «чистая сущность», «погружение в основание», «снятие» и т. д. Как отмечал К.Поппер, возникает вопрос, обманывал ли Гегель сам себя, загипнотизированный своим собственным жаргоном, или он пытался обмануть и запутать других? Несомненно одно: его многочисленные натурфилософские диалектизмы иначе как «интеллектуальной, а потом, как следствие, и моральной безответственностью» не назовешь⁹. Все это мало вяжется с идеей логики как инструмента точного, последовательного и доказательного мышления, и нет ничего удивительного в том, что для почитателей гегелевской интерпретации логики никогда не существовало проблемы как обоснования, так и опровержения любого тезиса или положения.

Разговоры об «ограниченности», «узости» формально-логических истин – дело обычное, а в антропологически ориентированных философских кругах и просто привычное. Дивиденды приобретаются до гениальности просто: подлинно философское мышление начинается с прорыва горизонта формально-логических императивов, оно несоместимо с такими его качествами как определенность и ясность, последовательность (непротиворечивость) и обоснованность; следовательно, чем меньше философский текст ориентирован на эти качества, тем более он аутентичен, приближен к истинам человеческого бытия. Долой «законодательный» разум с его логоцентристской интенцией, да здравствует разум «интерпретирующий», признающий лишь консенсус в рамках локальной традиции, и чтобы никаких там «законов», «принципов» и «критериев»! За этими призывами нетрудно усмотреть желание экзистенциальных метафизиков и философов постмодерна размыть критерии осмысленности философского дискурса, что обрекает философию на говорение о «ничто», а заодно выводит ее за границы всякой возможной критики. М. Хайдеггер, в совершенстве владевший диалектическим методом Гегеля, сознательно предпринял *Drang nach Logik*, усмотрев в ней (и совершенно справедливо!) последнюю преграду на пути философии к названному говорению. И хотя «это говорение противно мышлению в общем и губительно в частности», признается он, тем не менее «озабоченность истинным уважением основных правил мышления и страх перед нигилизмом, удерживающие от говорения о ничто, зиждятся на недоразумении». Более того, когда «ссылаются на закон противоречия и на логику вообще, чтобы доказать, что все мышление и говорение о ничто противоречиво и потому бессмысленно, то на деле это лишь видимость строгого и научного стиля». Впрочем, «кто воистину хочет говорить о ничто, должен по необходимости стать ненаучным»¹⁰. Формально-логический негативизм в качестве *specifica differentia* философского мышления культивируется и другим классиком экзистенциальной философии – К. Ясперсом: «противоречия, круг, тавтология...выступают как признаки различия между философским и научным мышлением»¹¹. В России формально-логические принципы и законы, составляющие важнейший элемент научно-философской рациональности, атаковались многими религиозными мыслителями. Так, П.Флоренский призывал рационалиста поверить мистика в том, что формально-логические противоречия «...оказываются высшим единством в свете Незаходимого Солнца, и тогда они-то именно и показывают, что Священное Писание и догматы выше плотской рассудительности...»¹²

Непосредственным объектом критики формальной логики философским антирационализмом и фидеизмом чаще всего оказываются именно основные ее законы – исключенного третьего, противоречия и тождества. И это обстоятельство не было случайным. Названные законы действительно составляют фундамент того здания, которым является современная логика. Первоначально их содержание было сформулировано Аристотелем в виде принципов мышления, обобщивших многовековую дискур-

⁹ Поппер К. Открытое общество и его враги. – Т. 2 – М., 1992, с. 37.

¹⁰ Хайдеггер М. Введение в метафизику. М.: 1998, с. 108-109.

¹¹ Jaspers K. Die großen Philosophen. – Bd.1– München, 1957, с. 450.

¹² Флоренский П. Столп или утверждение истины. – Т. 2 – М., 1990, с.505.

сивную практику. И уже как бы под них «выстраивались» логические системы в рамках некоторого формализованного языка (к примеру, логическая теория должна быть непротиворечивой).

Добавим, что содержание этих законов для непредвзятого ума так же непреложно, как и декартово *cogito ergo sum*: любая попытка их критики будет доступна для человеческого понимания, если ее контраргументы будут удовлетворять все тем же формальным условиям, которые детерминируют названные законы. Уже Аристотель сумел в полной мере осознать фундаментальное значение сформулированных им основных логических истин для человеческого мышления. Однако, не следует упускать из вида и другое: анализируемые законы, задавая некие рамочные (формальные) условия всякого мышления, могут выполнять свою нормативно-регулятивную функцию лишь при наличии некоторых предпосылок эпистемологического порядка: объекты наших суждений (то, о чем в них что-либо утверждается или отрицается), а также относимые к ним свойства должны быть представлены (выделены, обобщены) в этих суждениях понятийными средствами (в форме индивидуальных концептов, обобщающих понятий и т.д.); суждения должны быть по своей форме и содержанию настолько определенными (точными), чтобы ясны были условия их истинности; суждение должно «говорить» не о самом себе, а о чем-то другом (возможно и о другом суждении) и т.п. Когда такого рода предпосылки в отношении мыслительных образований не удается реализовать, применение к ним основных логических истин не дает ничего, кроме логических несуразностей (парадоксов, антиномий, апорий и т.п.). Достаточно привести пример парадоксов «лысый» и «куча», сформулированных Евбулидом. Причина парадоксов – в применении логических стандартов к нерационализированным смыслообразованиям: в содержании терминов «лысый» и «куча» отсутствуют общезначимые (объективные) критериальные признаки того, что отличает лысого от нельсого, кучу – от некучи, а потому и предложения, в состав которых входят эти термины, не выражают, строго говоря, суждений.

Рассмотрим еще один пример видимого «нарушения» закона противоречия. Логически противоречивыми кажутся высказывания о том, что протоны внутри атома притягиваются друг к другу и, одновременно, отталкиваются друг от друга. Однако следует учитывать, что протоны притягиваются друг к другу как гравитационные массы, а отталкиваются (не притягиваются) на другом основании – как одинаково (положительно) заряженные частицы. Это означает, что предметные значения одного и того же имени «протон» в приведенных высказываниях различны и, следовательно, высказывание «Протоны не притягиваются друг к другу» не является результатом логического отрицания высказывания «Протоны притягиваются друг к другу». Именно абстрагирование от специфики предметного значения имен в случаях интенционального их употребления приводит к схеме «А и не-А», создавая видимость ее обоснованности¹³.

Критики хватало и на долю закона исключенного третьего. К примеру, возражая против данного закона, голландский математик Л. Брауэр настаивал на том, что между утверждением и отрицанием имеется еще третья возможность, и эта возможность обнаруживает себя в рассуждениях, чью предметную область составляют бесконечные множества. Однако эта критика покоится на смешении двух существенно различающихся характеристик суждения: значения его истинности и оценки обоснованности приписывания ему этого значения. Интуиционистское ограничение, накладываемое на данный закон, мотивируется лишь критикой классических критериев удостоверения значений истинности некоторого типа суждений, но не связано напрямую с их эпистемологической оценкой в качестве соответствующих либо несоответствующих действительности.

¹³ Войшвилло Е.К., Дегтярев М.Г. Логика как часть теории познания и научной методологии. Учебное пособие для студентов философских факультетов и преподавателей логики. В 2-х кн. – Кн. 1. – М.: Наука, 1994, с. 72.

Один из истоков многочисленных неурядиц и даже трагедий в истории России – превалирование иррационального, импульсивно-бессознательного над рациональным, логико-аналитическим в ее культуре. Поэтому так важно не допустить реинтерпретации логики на спекулятивно-софистический лад, а то и просто отбрасывания ее как контрпродуктивного начала. И в этом мы можем опереться на критику Кантом «спекулятивного разума», его убежденность в том, что формально-логические структуры имманентны научной и философской рациональности.

Список литературы

1. Кант И. Критика чистого разума / Соч. в 6 томах. – Т.3 – М.: «Мысль» – 1964.
2. Кротков Е.А. Диагностическое познание. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – 152 с.
3. Кун Т. Структура научных революций. – М.: «Прогресс». – 1977, с. 67-68.
4. Поппер К. Логика и рост научного знания. – М.: Прогресс. – 1983.
5. Войшвилло Е.К. Принцип соответствия как форма развития знаний и понятие относительной истины. Критика концепции несоизмеримости сменяющихся друг друга теорий / Логика и В.Е. К. – М.: Современные тетради, 2003.
6. Гегель. Наука логики/ Энциклопедия философских наук. – Т. 1. – М.: 1974.
7. Поппер К. Открытое общество и его враги. – Т. 2 – М., 1992.
8. Хайдеггер М. Введение в метафизику. М.: 1998.
9. Jaspers K. Die großen Philosophen. – Bd. 1. – München, 1957.
10. Флоренский П. Столп или утверждение истины. – Т. 2. – М., 1990.
11. Войшвилло Е.К., Дегтярев М.Г. Логика как часть теории познания и научной методологии. Учебное пособие для студентов философских факультетов и преподавателей логики. В 2-х кн. – Кн.1. – М.:Наука, 1994.

I. KANT IN THE CONTEXT OF MODERN EUROPEAN EPISTEMOLOGY

E. A. Krotkov¹⁾
T. V. Nosova²⁾

¹⁾Belgorod State
University

²⁾Belgorod State
University

The searches of a way out from Kant's radical apriorism by new-European epistemology are analyzed in this work. The author's thesis about the «family» likeness of Kant's transcendental subject with the historical-paradigmatic subject by T.Kun is based here. The statement of the historical counter productivity of Kant's idea of transcendental logic in Gegel interpretation is argued here.

Key words: the radical version of apriorism, transcendental subject, paradigmatic subject's world, epistemological historicism, formal-logical truth, antirationalism.